

Касьянова Инна Александровна
5
(14.11.04)
(14.11.04)

Рос. муз. газета. — 2004. — № 11 (нояб.). — с. 5

СВОИ — СВОИ, И ЧУЖИЕ — ТОЖЕ СВОИ

Инна Александровна Касьянова: удивительно, что это имя я знала с юных лет, хотя формально она к нам никакого отношения не имела. В музыкальном училище в наши времена не преподавала. Но по отношению к нам, училищным студентам-теоретикам, играла роль Заботливого Старшего.

“У Инны Касьяновой есть то: У Инны Касьяновой есть сё” — припев этот постоянно где-нибудь да звучал. Казалось бы, собрала фонотеку, ну и сиди на ней, как собака на сене, наслаждайся за закрытыми дверями, в одиночку, накопленными богатствами.

Не такова Инна Александровна. Достала она в шестидесятые еще годы запись “Страстей по Луке” Кшиштофа Пендеревского. И создала студентов в Городской молодежный клуб послушать. Извлекла из своей фонотеки запись “Страстей по Матфею” под управлением Карла Рихтера — бросила ключ в музыкальном училище. Это сейчас кажется — раз плюнуть, и ноты и записи достать. А тогда изучение музыки на текст Евангелия не особо поощрялось. Потом, через сколько-то лет, накупили все и Пендерского, и Баха. Но Инна Александровна осталась для нас первооткрывателем великой музыки. Никогда она не делит окружающих на “своих” и “чужих”. Все свои — и обо всех надо заботиться.

Филармонический концерт. К дверям подходит Касьянова. Растопырив руки, как наседка крылья, этими крыльями прикрывает сразу добрый десяток студентов. Раз — и неимущая музыкальная молодежь без билета противнута сквозь контроль. Сколько раз раздавался у не-

ня в квартире звонок, и голос Инны Александровны торопливо произносил что-то ласковое, приходя в результате разговора к одному и тому же рефрену: “Я могу вам чем-нибудь помочь?”

Один раз помогла основательно. Сгребла в кучу молодёжь. Куча получилась небольшая — я и Слава Севердин. Эту парочку, музыковеда и композитора, повезла на поезде в Саратов, принимая в Союз композиторов (тогда, в 1988, у нас не было своей организации Союза, мы были приписаны к Саратовской). Чудная была поездка: жара, темные грозы, провожавшие поезд и регулярно поливающие его ливнем, купленная в Саратове крупная сладкая черешня. И всю дорогу, то есть весь день и большую часть ночи, Инна Александровна описывала нам со Славой обстоятельства своего знакомства с Хренниковым — уже тогда фигурой легендарной.

С Хренниковым она познакомилась случайно. И не на заседании каком-нибудь, обсуждавшем Шнитке или Эдисона Денисова, которых надо было “держат и не пущать”, а на черноморском пляже в Болгарии. Знакомство переросло в многолетнюю дружбу. Понемногу рассказ о Хренникове иссяк (или я уснула?). На следующий день идем мы по Саратову. Вдруг Инна Александровна испускает пронзительный вопль и кидается к уличному киоску с каким-то барахлом. В чем дело, думаю я, неужели этот взрыв эмоций посвящен белью? И вижу: да не к прилавку она бежит, а к человеку! И бросается к нему на шею. Потом из ее объятий вынырнул: Хренников. Хренников в Саратове? Прямо как в

анекдоте: а вот кстати и рояль в кустах!

Тихон Николаевич величественно развернулся к нам. Нас представили, и патриарх сказал: “Я запомню эти фамилии”. Так-то вот! Мы не лыком шиты! Нас со Славой теперь голыми руками не возьмешь! Сам Хренников хранит в своей памяти наши фамилии. А сколько лет, наоборот, только мы его помнили! Справедливость восстановлена!

Рассказ о Касьяновой был бы неполон без упоминания о красочных праздниках народной музыки, которые она проводит в Самаре. В основном-то Инна Александровна не Бахом и не Пендереем занимается. Главное дело ее жизни — фольклор. Съездит за тридевять земель, на край губернии, соберет народные мелодии. Пригласит голосистых бабушек — носительниц фольклорных традиций. Приедут народные певички в кокошниках, в сарафанах. Когда такое носили? Да всегда! Вот и опять надели! Народные одежды вневременны. Слушаем фольклорные богатства русской, чувашской, мордовской деревни, любуемся огненным вихрем красных сарафанов. А Инна Александровна издает за книгой книгу, приобщая и читателя к голосу музы народной.

“Инна Александровна, кем вы как музыковед занимались?” Она начинает перечислять: занималась Кабальевским, Хренниковым, Эшпаем, Слонимским, Свиридовым. Прогулки с легендарной Марией Израилевной Гринберг по набережной! Великая пианистка, записавшая все 32 фортепианные сонаты Бетховена — артистический, музыкантский подвиг! А записывала их как раз в те дни, и память Инны

Александровны хранит слова, сказанные Марией Гринберг о работе над сонатами: “Вы не представляете, какой это сопротивляющийся материал!”

“Андрей Мелитонович Балачивадзе не выходил из папиного кабинета!” — вспоминает Инна Александровна. Кабинет папы, почетного пивовара, понятное дело, музыкантов притягивал. “Пиво пил или общался?” “Пиво пил. И общался. Привязался очень к нашей семье”.

Касьянова рассказывает: “Последнее в своей жизни интервью Дмитрий Борисович Кабальевский дал мне. Мы с Леной Хегай приехали в Москву с чувашским ансамблем. Договорились с Кабальевским о встрече. Приехали мы к нему поздно, в одиннадцатом часу. Он вспоминал Самару, самарских лауреатов конкурса Кабальевского — Шаталовых, Леню Вохмянина, Сергея Загадкина. И уже в половине двенадцатого, прикрыв глаза, торжественно начал наговаривать текст для интервью. Это было последнее, что я от него в жизни услышала”.

С трогательной гордостью вспоминает Инна Александровна о дружбе с ансамблем “Мадригал”. Попала в Ленинграде на их концерт, и музыканты “Мадригала”, выходя на сцену, разглядели Инну Александровну в ее четвертом ряду и совершенно явственно “прицельно”, именно ей, поклонились.

Но гастролеры гастролерами, а особое место в публицистике и научных работах Касьяновой занимают самарские музыканты. Только об одном Геннадии Пантелеймоновиче Проваторове у нее 17 статей: “Отслеживала каждый концерт

целого сезона. Его творчество меня очень волновало. Я считаю, что он сформировал меня как музыканта. Конечно, много писала и о самарском дирижере Соломоне Семеновиче Фельдмане. Меня очень трогала его мудрость”. Среди самарцев — персонажей ее статей, рецензий, воспоминаний — Алексей Васильевич Фере, патриарх самарского музыковедения, личность необычайно яркая и притягательная. Ее героем был популярнейший в городе человек, пианист и педагог Александр Наумович Шхенек. Светлое, не забытое с годами творчество Владислава Сергеевича Невского; красавица и умница, талантливая пианистка и администратор Зинаида Ивановна Маевская; блестящий скрипач и неутомимый рассказчик, знаток самарского музыкального прошлого Виктор Александрович Торкин — какие только стороны музыкальной истории Самары не оживают в краеведческих студиях Инны Александровны!

Инна Александровна, наверное, как и все мы, подвластна смене времен: tempora mutantur, et nos: В общем, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Ныне Союз композиторов празднует семидесятилетний юбилей профессора Касьяновой. Конечно, она заметно отличается от той восторженной девушки, которая водила нас за собой слушать музыку. Но энтузиазм все тот же. И для нас она все та же — вечно молодая, влюбленная в музыку бескорыстной любовью.

Наталья Эскина
(Самара)